

© 2010 г.

А.И. БОРОЗНЯК

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА И ИСТОРИОГРАФИЯ ФРГ

Каждому, кто побывал на Пискаревском кладбище, каждому, кто видел эти бесконечные поля братских могил со скорбными датами: 1941-й, 1942-й, 1943-й, 1944-й, навсегда запали в душу высеченные в камне слова Ольги Берггольц: “Здесь лежат ленинградцы. Здесь горожане – мужчины, женщины, дети. Рядом с ними солдаты-красноармейцы. Всею жизнью своею они защищали тебя, Ленинград”.

Для России сражение под Ленинградом было и остается знаком неисчислимых потерь, принесенных во имя военной и нравственной победы над фашизмом. Длившаяся 900 дней (8 сентября 1941 – 27 января 1944 г.) блокада явилась для гитлеровцев прямой реализацией “стратегии уничтожения”. Количество жертв блокады – 900 тыс. мирных жителей – сопоставимо с числом убитых немцами и умерших от голода и болезней советских военнопленных (за первые шесть месяцев войны погибло примерно 2 млн оказавшихся в неволе красноармейцев), с числом уничтоженных нацистами евреев Европы (около 6 млн).

Но для Федеративной Республики Германии, для ее исторической памяти путь к постижению смысла блокады города на Неве оказался предельно трудным, долгим и противоречивым.

* * *

30 декабря 1947 г.–29 октября 1948 г. в Нюрнберге, в зале, где ранее проходил Международный трибунал над главными немецкими военными преступниками, работал американский военный суд, который вошел в историю под названием “процесс ОКВ” (верховного командования вермахта). В преступлениях против мира и человечности обвинялись 14 генералов, среди них – отдававшие приказы войскам, осаждавшим Ленинград: генерал-фельдмаршал фон Лееб (до января 1942 г. командовавший группой армий “Север”) и генерал-фельдмаршал фон Кюхлер (в чине генерал-полковника командовавший 18-й армией, а затем сменивший Лееба). И хотя немецкие адвокаты защищали подсудимых, а подсудимые стремились оправдаться, американские прокуроры и судьи были строгими. На процессе один из свидетелей недоумевал: “у высшего генералитета проявилась потеря памяти”, ведь документы, подписанные Кюхлером и Леебом, “столь ужасны, что их невозможно забыть”¹.

Лееб пытался убедить судей, будто блокада была средством “нормальной войны”. На это ему было сказано, что блокада стала “компонентом войны на уничтожение”, что он фактически стал комендантом “гигантского лагеря смерти”. Оправдываясь, Лееб утверждал, что, хотя “русские склонны к жестокости”, он якобы никак не виновен в злодеяниях, совершенных против мирных советских жителей. Постулат защиты

Борозняк Александр Иванович – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета, член Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 09-01-00138а.

¹ *Gersdorff R. von. Soldat im Untergang. Frankfurt a.M., 1977. S. 198.*

был стандартным: виноват Гитлер. В последнем слове бывший генерал-фельдмаршал заявил: “Мы не руководствовались преступными инстинктами, как это представляет обвинение [...]. Гитлер поставил нас, офицеров старшего возраста, в ситуацию конфликта с совестью. Следовать его приказам означало нарушать международное право. Не исполнять приказы было равнозначно нарушению дисциплины перед лицом врага”².

Под грузом неопровержимых доказательств преступлений два немецких генерала были приговорены к пожизненному заключению, два – к 20 годам, два – к 15, по одному – к 8, 5 и 3 годам, двое оправдано. Лееб был приговорен к 3 годам (и освобожден из-под стражи в зале суда), а Кюхлер – к 20 годам тюремного заключения³. У. Рэпп, представлявший на процессе сторону обвинения, сказал тогда: главная задача суда состоит в том, чтобы “сорвать маски с генералов” и “помешать формированию легенд”. Нельзя, продолжал он, допустить повторения ситуации после Первой мировой войны, когда немецкое население охотно поверило, будто “генералы являются добрыми, хорошо образованными и элегантными господами”⁴. Но характер восприятия приговора оказался прямо противоположным.

Уже бушевали ветры идеологической конфронтации между Западом и Востоком; на осужденных генералов была распространена амнистия, объявленная верховным комиссаром США в Германии Дж. Макклоем. Председатель американского суда настоятельно рекомендовал издать протоколы процесса ОКВ на немецком языке. Но этого не произошло и по сей день. Материалы процесса хранятся на полках городского архива Нюрнберга. Зато в ФРГ были оперативно опубликованы речи защищавшего генералов на суде немецкого адвоката Г. Латернзера⁵. Судебное преследование военных преступников было прекращено. Для Западной Германии была открыта дверь в НАТО, а для бывших офицеров вермахта (в том числе виновников трагедии Ленинграда) – дорога к командным постам бундесвера.

Удушливая атмосфера “холодной войны”, констатировали берлинские исследователи П. Ян и Р. Рюруп, “не допускала возможности ощутить и разделить чужие страдания”, “закрывала дорогу к самокритичным оценкам экспансии против Советского Союза”⁶.

В историографии и массовом историческом сознании ФРГ медленно пробивало себе дорогу осмысление зла, причиненного гитлеровским режимом самим немцам, признание необходимости искупления преступлений против еврейского народа. Но восприятие устрашающей правды о “войне на Востоке” вызывало своего рода алергию и у историков, и у широких слоев населения. Всемирно известный немецкий философ Т. Адорно сокрушался, что в западногерманском обществе, далеко за пределами “круга неисправимых”, жива тенденция “оправдания задним числом агрессии Гитлера против Советского Союза”. Усматривая в этом опасный симптом коллективного “политического невроза”, Адорно предупреждал, что забвение “нежелательного” прошлого “чересчур легко переходит в оправдание забываемых событий”⁷.

² Friedrich J. Militärische Notwendigkeit und Totaler Krieg. – Die Neue Gesellschaft. Frankfurter Hefte, 1990, H. 1. S. 134; *idem*. Das Gesetz des Krieges. Das deutsche Heer in Rußland 1941 bis 1945. Der Prozeß gegen das Oberkommando der Wehrmacht. München, 1993. S. 395.

³ Wette W. Fall 12. Der OKW-Prozeß (gegen Ritter von Leeb und andere). – Der Nationalsozialismus vor Gericht. Die alliierten Prozesse gegen Kriegsverbrecher und Soldaten 1943–1952. Frankfurt a.M., 1999. S. 199–212.

⁴ Meyer G. Soldaten ohne Armee. Berufssoldaten im Kampf um Standesehre und Versorgung. – Von Stalingrad zur Währungsreform. Zur Sozialgeschichte des Umbruchs in Deutschland. München, 1990. S. 709.

⁵ Laternser H. Die Verteidigung deutscher Soldaten. Bonn, 1950.

⁶ Jahn P., Rürup R. Die Deutschen und der Krieg gegen die Sowjetunion – Erobern und Vernichten. Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945. Berlin, 1991. S. 17.

⁷ Adorno Th. Gesammelte Schriften, Bd. 10, T. 2. Frankfurt a.M., 1977. S. 560, 568.

В 60-е и 70-е годы в ГДР были опубликованы архивные документы, неопровержимо доказывавшие преступный характер блокады Ленинграда со стороны нацистского военного и политического руководства⁸. Но в условиях “холодной войны” всё (или почти всё), что было издано в ГДР, заранее вызывало в Западной Германии реакцию недоверия и отторжения.

Непременным компонентом массового западногерманского чтения в 50-х годах стали серийные выпуски “солдатских историй”, большая часть которых повествовала о “войне на Востоке”, в том числе и в районе действий группы армий “Север”. Солдаты и офицеры вермахта представляли смельчаками, СС и СД – злодеями, творившими грязные дела без ведома или вопреки армии, а русские – коварными варварами. В школьных учебниках ФРГ осада Ленинграда или не упоминалась вовсе или именовалась военным успехом вермахта. Один из современных исследователей с полным на то основанием утверждает: “память о блокаде практически не менялась с 50-х вплоть до 80-х годов”, исторические события рассматривались “глазами преступников”, “Ленинград остался абстрактным местом в событиях войны”⁹.

Было ли случайным столь явное несоответствие значимости битвы за Ленинград, с одной стороны, и масштабов (равно как и характера) ее освещения историографией ФРГ, с другой?

Осуществленное германской армией целенаправленное убийство сотен тысяч мирных жителей Ленинграда не укладывалось в традиционную мифологическую схему о немецких солдатах как жертвах военных действий, об их невиновности в связи с “необходимостью исполнять приказы командования”. В 1983 г. официальным Ведомством военно-исторических исследований ФРГ был опубликован очередной том серии “Германский рейх и Вторая мировая война”. На страницах книги отразились разнонаправленные тенденции развития западногерманской историографии. В главах тома содержались как неопровержимые доказательства преступной нацистской агрессии против СССР, так и (реже) утверждения, явно искажавшие истину о войне.

К числу последних относился раздел о событиях под Ленинградом. Отводя любые обвинения в бесчеловечном характере блокады, ведущий сотрудник указанного ведомства Й. Хоффман писал: “Какими бы печальными ни были эти события, моральные претензии в адрес немецких войск не имеют под собой никаких оснований. Осада и обстрел обороняемого города и его укреплений по-прежнему принадлежали к обычным и неоспоримым методам ведения войны”¹⁰. Автор цинично ставил осаду Ленинграда в один ряд с действиями советских войск по взятию Кенигсберга и Берлина весной 1945 г. Утверждения Хоффмана, по существу, ничем не отличались от содержания оправдательных речей нацистских генералов или их адвокатов на процессе ОКВ.

“Порой мне казалось, – с горечью писал в начале 80-х гг. выдающийся гуманист нашего времени Л.З. Копелев, – что люди в ФРГ действительно ничего не знают о том, как истекали кровью Варшава и Киев, как должен был погибнуть от голода и стерт с лица земли Ленинград, кому обязан мир решающим поворотом в войне, достигнутом в руинах Сталинграда”¹¹.

Новое прочтение истории блокады Ленинграда начало утверждаться во многом благодаря знаменитой “Блокадной книге” Алеся Адамовича и Даниила Гранина, кото-

⁸ Fall 12. Urteil gegen das Oberkommando der Wehrmacht, gefällt am 28. Oktober 1948 in Nürnberg vom Militärhof von der Vereinigten Staaten von Amerika. Berlin, 1960; Anatomie des Krieges. Neue Dokumente über die Rolle des deutschen Monopolkapitals bei der Vorbereitung und Durchführung des Zweiten Weltkrieges. Berlin, 1965; Okkupation, Raub, Vernichtung. Dokumente zur Besatzungspolitik der faschistischen Wehrmacht auf sowjetischem Territorium. Berlin, 1980.

⁹ *Genzenmüller J.* Nebenkriegsschauplatz der Erinnerung. Die Blockade Leningrads im Gedächtnis der Deutschen. – Osteuropa, 2005. Н. 4–6. S. 136, 138. См. также: <http://spb.kp.ru/daily/24229/430079>

¹⁰ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 741.

¹¹ Eine Rede und ihre Wirkung. Betroffene nehmen Stellung. Berlin, 1986. S. 43.

рая была (далеко не сразу!) воспринята в ФРГ как образец человеческого измерения войны. Первое издание перевода “Блокадной книги”, выпущенное в ГДР в 1984 г.¹², не вызвало в Западной Германии значительного резонанса. Но восприятие нового издания книги (1987 г.) оказалось принципиально иным. В Советском Союзе происходила перестройка, породившая надежды на плодотворное обновление германо-русских отношений, на утверждение иных подходов к образу России и русских. Определенную роль сыграл появившийся в ФРГ интерес к проблематике “устной истории” и “истории повседневности”¹³.

Авторы книги неоднократно выступали в ГДР и в ФРГ с рассказами о ленинградской блокаде, о великой трагедии и великом мужестве простых людей. Адамович писал, обращаясь к немецкой аудитории: “Наша задача состоит в том, чтобы через 30 или 50 лет читатель смог ощутить боль, холод и голод, охватывавшие других людей”. Жанр книги, по его мнению, “можно назвать репортажем с места исторического события, репортажем-воспоминанием, репортажем из прошлого, из давно ушедшего времени”. И далее: “Если свидетельства народной памяти не будут записаны, они пропадут подобно гейзеру, который на время вырывается из глубин земли, обжигает нас и исчезает вновь”¹⁴.

Гранин говорил, беседуя с немецким публицистом и теологом Ф. Шорлеммером: “Почему мы выиграли эту войну? Я убежден в одном: потому, что это была с нашей стороны справедливая война. На нас напали, и мы должны были защищать свою землю. Со стороны немцев это была несправедливая война [...]. Несмотря на все беды и отступления первого года войны, мы никогда не думали, что можем проиграть эту войну. И то, что мы – с ужасными жертвами – выиграли войну, доказало: мы не могли ее проиграть – Отечественную войну. Мы понимали это с ее первого до ее последнего дня”¹⁵.

В мае 1987 г. по приглашению М.С. Горбачева в Советский Союз с государственным визитом прибыл президент ФРГ Р. фон Вайцзеккер, воевавший под Ленинградом в звании обер-лейтенанта 9-го Потсдамского пехотного полка. По настоянию президента (вопреки возражениям двух сторон) в программу визита было включено посещение Пискаревского кладбища. За два года до этого Вайцзеккер выступил в бундестаге с речью, в которой громко прозвучал мотив неразрывной взаимосвязи национальной ответственности и исторической памяти немцев. Прямо продолжая эту важнейшую мысль, Вайцзеккер заявил: “Сегодня я здесь, в Ленинграде, и я обещаю сделать все от меня зависящее для того, чтобы избавить последующие поколения от того, что несут с собой война, насилие, нищета и смерть”¹⁶. В выступлениях Вайцзеккера и на посту президента ФРГ (до 1994 г.), и после его отставки блокада Ленинград неизменно предстает в качестве символа мужества, противостоящего бесчеловечности¹⁷.

Первый в ФРГ обстоятельный научный анализ военной ситуации в районе Ленинграда и действий вермахта, направленных против его мирных жителей, был опубликован в 1992 г. Очерк принадлежал перу историка Второй мировой войны Г. Юбершера.

¹² Adamowitsch A., Granin D. Blockadebuch, Bd. 1-2. Berlin, 1984.

¹³ Alltagsgeschichte. Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen. Frankfurt a.M., 1989.

¹⁴ Adamowitsch A. Zusammen mit dem Volk geschrieben. – Der Mensch gegen den Menschen. Überlegungen und Forschungen zum deutschen Überfall auf die Sowjetunion 1941. Hannover, 1992. S. 48–49. См. также: *idem*. Schweigen, Heroismus und Widerstand. Wie das “Blockadebuch” entstand. – Blockade. Leningrad 1941–1944. Dokumente und Essays von Russen und Deutschen. Reinbek, 1992. S. 232–236.

¹⁵ http://www.friedrich-schorlemmer.de/docs/texte-gespraech_mit_granin.pdf

¹⁶ Цит. по: Der Spiegel, 1987. Н. 29. S. 20–21.

¹⁷ См. текст лекции Вайцзеккера, прочитанной в Германском историческом институте в Москве 15 сентября 2008 г.: <http://www.dhi-moskau.de/stranicy/meroprijatija/programmy/2008/weizaecker.pdf>

Автор впервые ввел в исследовательский оборот ряд документов из фондов Федерального военного архива во Фрайбурге¹⁸.

В 1993 г. вышла в свет книга “Закон войны”¹⁹ журналиста Й. Фридриха, который воспроизвел фрагменты находившихся в полном забвении стенограмм процесса 1947–1948 гг. над гитлеровскими генералами. Подзаголовок 1000-страничного фолианта был сформулирован следующим образом: “Германская армия в России в 1941–1945 гг. Процесс против верховного командования вермахта”. К сожалению, Фридрих уделил данному сюжету не так уж много места, сведя содержание книги к подробным рассуждениям по поводу истории войн от античной эпохи до современности.

Авторы последующих работ об осаде Ленинграда находились в иной, чем прежде, ситуации. Передвижная документальная выставка “Преступления вермахта”, организованная в 1995 г. Институтом социальных исследований (Гамбург), взорвала привычные стереотипы о “чистом вермахте” и непричастности армейских кругов к злодеяниям нацистского режима²⁰.

Организаторам выставки удалось, отметил историк Н. Фрай, “сдвинуть с места процесс рефлексии, касающейся легенды о чистом вермахте”, чего “вплоть до настоящего времени не удавалось сделать авторам научных исследований”²¹. Первый вариант экспозиции (1995–1999 гг.), был открытым вызовом привычным представлениям о “незапятнанной армии”. Главное внимание было уделено фотографиям, запечатлевшим прямое участие солдат и офицеров вермахта (наряду с палачами СС и СД) в массовых казнях на оккупированных территориях СССР.

Для второго, существенно переработанного, варианта выставки (2000–2004 гг.) была характерна подробная и доказательная презентация исторических документов. На стендах были размещены многократно увеличенные копии директив командования вермахта, касающиеся подготовки и ведения агрессивной войны против Советского Союза, криминального характера оккупационного режима. Внимание посетителей неизменно привлекал детальный раздел о блокаде Ленинграда²².

Плодотворная традиция визуального воплощения новейшей истории была продолжена Германо-советским музеем в берлинском районе Карлсхорст. Музей расположен в мемориальном здании, где в ночь с 8 на 9 мая 1945 г. была подписана безоговорочная капитуляция Германии. Подготовка к выставке “Блокада Ленинграда” шла более двух лет под непосредственным руководством директора музея П. Яна²³. “Мы стремились, – вспоминает Ян, – дать представление о двух сторонах конфликта. Необходимо было показать, что преступная блокада была не случайностью, но – результатом продуманного плана. Что касается советской стороны, то посетитель должен был получить возможность идентификации с людьми, находившимися в осаде”²⁴. Экспозиция стала органическим продолжением “Блокадной книги”, один из авторов которой, Гранин, выступил на открытии выставки.

Экспозиция действовала в Берлине (июнь–сентябрь 2004 г.) и в Гамбурге (январь 2005 г.), получив широкое освещение в прессе и по телевидению. Во время работы выставки были проведены коллоквиумы и круглые столы, в которых принимали участие немецкие и российские историки и публицисты. “Выставка в Германо-российском музее, – писала газета “Берлинер цайтунг”, – посвящена 900 дням осады. Организаторам удалось собрать германские и российские источники. Среди них – потрясающие фотографии изголодавшихся жителей и жертв бомбардировок, официальные документы

¹⁸ *Ueberschär G. Der Angriff auf Leningrad und die Blockade der Stadt durch die Wehrmacht. – Blockade. Leningrad 1941–1944. S. 94–105.*

¹⁹ *Friedrich J. Das Gesetz des Krieges.*

²⁰ *Verbrechen der Wehrmacht. Bilanz einer Debatte. München, 2005.*

²¹ *Die Zeit, 22.I.2004.*

²² *Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. Ausstellungskatalog. Hamburg, 2002. S. 308–328.*

²³ *Blockade Leningrads 1941–1944. Dossiers. Berlin, 2004.*

²⁴ Письмо П. Яна от 29 мая 2009 г. – Архив автора.

и частные письма, неопубликованные рисунки, отрывки из выступлений и интервью. Из всего этого перед нами предстает непостижимый образ страданий и человеческой силы»²⁵. Один из посетителей так сформулировал свой отзыв о выставке: «Мне кое-что известно о России, Москве и Санкт-Петербурге – об их истории, об их сегодняшнем дне. Но до сих пор я не представлял себе всей бесчеловечности ленинградской блокады. А у “среднего немца” с этим понятием вообще ничего не связано. Выставка – громадная заслуга доктора Петера Яна, посетить ее я непременно рекомендую каждому»²⁶.

Повседневности жизни и смерти в осажденном, но непокоренном городе была посвящена статья специалиста по российской истории Б. Бонвеча²⁷ – основателя и руководителя Германского исторического института в Москве. Достоянием читателей стали выпущенные в свет тогда же, в 2002 г., новаторские работы ныне покойного берлинского ученого Г. Хасса о ситуации в окруженном Ленинграде и о германской оккупационной политике в Ленинградской области²⁸.

Подтверждается правильность тезиса ганноверского профессора Г.-Г. Нольте: «Меняются вопросы, которые мы обращаем к истории похода на Россию»²⁹. Современная немецкая историографии ленинградской блокады обрела новое дыхание благодаря трудам Й. Хюртера³⁰ (Институт современной истории в Мюнхене) и Й. Ганценмюллера³¹ (Йенский университет). Эти авторы (годы их рождения, соответственно, 1966 и 1969) представляют вошедшее ныне в пору зрелости поколение исследователей. Поколение, отказавшееся от претензий на научную монополию, стремящееся к отходу от прежнего недоверия, к диалогу с российской исторической наукой. Для ученых, о которых идет речь, является само собой разумеющимся признание преступного характера агрессии против СССР и осады города на Неве. Неопровержима, по твердому убеждению Хюртера, «вина немцев за варваризацию этой страшной войны»³². Работы Хюртера и Ганценмюллера начисто лишены полемической запальчивости, которой порой грешили организаторы первого варианта выставки «Преступления вермахта».

Ганценмюллер считает необходимым «расширить научную перспективу и анализировать блокаду Ленинграда в связи с общими целями германского нападения на Советский Союз»³³. Для Хюртера главной представляется «историографическая проблема акций вермахта в промежуточной зоне между ведением войны и преступлениями»³⁴.

В указанных публикациях широко и непредвзято используются документы московских и петербургских архивов (в том числе недавно рассекреченных фондов)³⁵,

²⁵ Berliner Zeitung, 8.VI.2004.

²⁶ <http://buechervielfrass.de/archiv.php4?was=632>

²⁷ Bonwetsch B. Das belagerte Leningrad 1941–1944. – Ein europäisches Rußland oder Rußland in Europa? 300 Jahre St. Petersburg. Baden-Baden, 2004. S. 141–162.

²⁸ Hass G. Leben, Sterben und Überleben im belagerten Leningrad. – Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 2002. H. 12. S. 1080–1098; *idem*. Deutsche Besatzungspolitik im Leningrader Gebiet. – “Wir sind die Herren dieses Landes”. Ursachen, Verlauf und Folgen des deutschen Überfalls auf die Sowjetunion. Hamburg, 2002. S. 64–81.

²⁹ Nolte H.-H. Vom Umgang mit Asymmetrien und Kampf um Zivilisierung. – Der Mensch gegen den Menschen. S. 244.

³⁰ Hürter J. Die Wehrmacht vor Leningrad. Krieg und Besatzungspolitik der 18. Armee im Herbst und Winter 1941/42. – Vierteljahresshefte für Zeitgeschichte, 2001. H. 3. S. 377–440.

³¹ Ganzenmüller J. Das belagerte Leningrad 1941–1944. Die Stadt in den Strategien von Angreifen und Verteidigern. Paderborn, 2007.

³² Hürter J. Op. cit. S. 440.

³³ Ganzenmüller J. Das belagerte Leningrad 1941–1944. S. 43.

³⁴ Hürter J. Op. cit. S. 378.

³⁵ Немецкие историки ссылаются, в частности, на фонды Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива новейшей истории, Центрального государственного архива

равно как и материалы новейших исследований российских ученых³⁶. Достижения российской науки органически входят в структуру германской историографии. Было ли это возможно еще десяток лет назад?

* * *

Как было неопровержимо доказано на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников, планы стремительного взятия Ленинграда были сформулированы Гитлером и его генералами задолго до начала Великой Отечественной войны. “Захват Ленинграда с самого начала занимал значительное место в оперативных планах войны против Советского Союза”³⁷, – отмечает Г. Юбершер. В первоначальных военных планах штабов вермахта и сухопутных войск уже летом 1940 г. (будущий “план Барбаросса”) содержался раздел “Ленинград и советские порты Балтийского моря”. Планирование “войны на Востоке” происходило, по оценке Юбершера, “под знаком бесчеловечных военных преступлений”³⁸.

Как показывает на неопровержимой документальной базе Ганценмюллер, проекты захвата Ленинграда были неразрывно связаны с нацистскими долговременными планами отторжения и “германизации” советских территорий. “Этот огромный пирог, – откровенничал Гитлер, – необходимо разрезать на части, чтобы мы могли, во-первых, им овладеть, во-вторых, им управлять, а в-третьих, его эксплуатировать”. “Фюрер” объявил, что “целью русского похода является сокращение славянского населения на 30 миллионов”³⁹.

Чиновники подчиненного Г. Герингу “ведомства четырехлетнего плана” уже в апреле–мае 1941 г. хладнокровно подписали Ленинграду смертный приговор: “Продолжение войны возможно лишь при условии, если на третьем ее году весь вермахт будет снабжаться из России. При этом несколько миллионов жителей будут обречены на голодную смерть”. Ленинград и весь российский северо-запад были отнесены к “непродуктивной лесной зоне”, а проживающие там люди должны были стать “избыточным населением”, “поставленным в условия нарастающего голода”. Результат был сформулирован предельно откровенно: “вымирание промышленности и большей части населения”. В понятие “жизненного пространства на Востоке” входило не только завоевание территории и покорение других народов, но и обеспечение питанием немецкого народа и заселение аннексированных земель немцами. Будущее Ленинграда и прилегающего региона (именуемого “Ингерманландия”) рисовалось в “генеральном плане Ост” следующим образом: “Городское население составит здесь 200 000 человек (в 1939 г. 3 200 000)”, что означало бы “исчезновение” Ленинграда и его жителей с географической карты⁴⁰.

В группу армий “Север” под командованием Лееба, главной задачей которой было взятие Ленинграда, входили 16-я и 18-я армии, группа танковых войск (т.е. 24 дивизии) 3 резервных формирования и воздушный флот. 3 июля 1941 г. Гитлер самоуверенно заявлял, что для СССР “война практически проиграна” На выставке “Преступления

Санкт-Петербурга, Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга, архива Управления ФСБ Ленинградской области, документальные коллекции петербургского отделения общества “Мемориал”.

³⁶ Среди указанных изданий: Ленинград в осаде. Сб. док. о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. СПб., 1995; Дзенiskeвич А.Р. Фронт у заводских стен. Малоизученные проблемы обороны Ленинграда. 1941–1944. СПб., 1998; его же. Блокада и политика. Оборона Ленинграда в политической конъюнктуре. СПб., 2008; В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб., 2001; Жизнь и смерть в блокированном Ленинграде. Историко-медицинский аспект. СПб., 2001; Ломагин Н.А. Неизвестная блокада, т. 1–2. СПб., 2002.

³⁷ *Ueberschär G.* Op. cit., S. 94.

³⁸ Ibid. S. 97.

³⁹ Цит. по: *Ganzenmüller J.* Das belagerte Leningrad 1941–1944. S. 33, 47.

⁴⁰ Ibid. S. 58–59.

вермахта” была представлена копия записи начальника генштаба сухопутных войск генерал-полковника Ф. Гальдера 8 июля 1941 г.: “Твердое решение фюрера состоит в том, чтобы сравнять с землей Москву и Ленинград. Надо помешать тому, чтобы зимой там оставались люди, которых нам пришлось бы кормить. Города нужно разрушить посредством авиации. Танки применять не нужно”⁴¹.

Гитлер вновь и вновь требовал скорейшего захвата Ленинграда и превращения его в развалины. 18 августа 1941 г. в разговоре с Геббельсом он предрекал, что от города “скорее всего, мало что останется”. Но роковая недооценка боевых возможностей Красной армии привела к тому, что план “молниеносной войны” был сорван. Взятие Ленинграда было “отложено”. Юбершер публикует фрагмент из доклада представителя штаба 16-й армии: “Русские сражаются как львы”⁴². Все более явственным становился страх перед тем, что “Ленинград будет биться до последнего человека”⁴³. Командование немецких сухопутных войск пришло к выводу, что противник “решительно ослаблен”, но “не разгромлен окончательно”. У Гитлера и ОКВ созрело вынужденное решение сначала взять Ленинград и Киев, а потом уже двинуться на Москву.

29 августа 1941 г. войскам группы армий “Север” удалось перерезать Октябрьскую железную дорогу, а 8 сентября взять Шлиссельбург, замкнув кольцо блокады вокруг Ленинграда. Но за два дня до этого, 6 сентября, Гитлер издал директиву о переброске танковых и авиационных соединений под Москву⁴⁴. По словам Юбершера, группа “Север” фактически стала “флангом центрального фронта, нацеленного на Москву”⁴⁵.

9 ноября 1941 г. Лееб записывал в журнале военных действий: “Фюрер еще не принял решения о том, как надлежит обращаться с городом: согласиться ли на возможную сдачу, окружить его или же оставить умирать с голоду”. Но, ожидая любой директивы сверху, командующий группой армий был обеспокоен тем, что “у противника существует еще возможность сообщения с внешним миром”. Поэтому он приказал во что бы то ни стало “пресечь движение судов через Ладожское озеро”⁴⁶, т.е. перекрыть Дорогу жизни.

Опубликованный Юбершером комплекс документов позволяет судить о том, какая судьба была уготована окруженному Ленинграду. 6 сентября 1941 г. Гитлер заявил: “Петербург, этот источник азиатского яда на Балтике, должен быть ликвидирован. Город уже окружен, нужно его добить с помощью артиллерии и авиации, уничтожив водопровод, электростанции и все остальное, что служит снабжению жителей. Азиаты и большевики должны быть изгнаны из Европы. С 25-летним периодом азиатчины нужно покончить”⁴⁷.

Изуверские установки Гитлера были услужливо поддержаны (и развиты дальше) генералитетом. 21 сентября 1941 г. верховное командование вермахта подготовило секретную “докладную записку”, текст которой полностью опубликован Юбершером. Содержание документа о стратегических целях блокады сводилось к тому, чтобы “обращаться с городом как с военным объектом”, а в итоге – “стереть Ленинград с лица земли”. Для этого предлагалось несколько вариантов, в том числе: “плотно окружить город, возможно, при помощи колючей проволоки с пропущенным электрическим током, которая будет охраняться пулеметами”; “окружить Ленинград герметичным кольцом и ударить по городу силами артиллерии и авиации”. И далее: “Ослабленные жители из общего числа двух миллионов в обозримом времени вымрут”, а “все, кто

⁴¹ Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. S. 309.

⁴² Ueberschär G. Op. cit. S. 97.

⁴³ Ganzenmüller J. Das belagerte Leningrad 1941–1944. S. 18.

⁴⁴ Hürter J. Op. cit., S. 392.

⁴⁵ Ueberschär G. Op. cit., S. 97.

⁴⁶ Leeb W. von. Tagebuchaufzeichnungen und Lagebeurteilungen aus zwei Weltkriegen. Stuttgart, 1976. S. 368.

⁴⁷ Цит. по: Ueberschär G. Op. cit. S. 101.

останется в живых, будут направлены во внутренние районы России или в плен”. После этого (предположительно весной 1942 г.), когда немецкие войска войдут в город, “Ленинград будет взорван и сравнен с землей”⁴⁸.

В дополнение к “докладной записке” начальник оперативного отдела ОКВ генерал-полковник Йодль 7 октября 1941 г. представил командующему сухопутных войск Браухичу следующее “соображение”: “По всем, кто покинет город в направлении наших линий, будет открыт огонь”. 17 октября 1941 г. Лееб передал командованию 18-й армии приказ о полной изоляции Ленинграда, чтобы “помешать движению партизан и проникнутых коммунизмом жителей города”⁴⁹. Началась подготовка к переброске под Ленинград снарядов с отравляющим газом. Помешала этому преступлению нехватка у немцев артиллерийских стволов⁵⁰.

Серьезной доказательной силой обладают документы, представленные на выставке “Блокада Ленинграда”. В частном письме генерал-квартирмейстера сухопутных войск Вагнера говорилось: “Пусть они в Петербурге варятся в собственном соку. Что же нам еще делать с этим трехмиллионным городом, который надо кормить из нашего кармана? О сантиментах здесь не может быть и речи”⁵¹. Вагнеру вторил представитель командования германского военно-морского флота: “Фюрер приказал стереть Ленинград с лица земли. После поражения Советской России нет никакой необходимости в сохранении этого крупного городского объекта”⁵². В том же духе высказался командующий 8-м авиакорпусом: “По Петербургу следует пройти плугом”⁵³.

На стендах экспозиции “Преступления вермахта” были представлены выдержки из журнала боевых действий 18-й армии: “Город остается в окружении, и все живое вымрет от голода”; “Будет истреблена значительная часть коммунистического населения России, т.е. население Петербурга”⁵⁴. Начальник оперативного отдела 18-й армии, осаждавшей Ленинград, отдавал следующие распоряжения: “Лучше пусть наши солдаты что-то имеют, а русские голодают” (3 октября 1941 г.); “Для пополнения пайка военнопленных использовать оставшихся в районе дислокации армии издохших лошадей, которые все равно станут лакомой добычей русского гражданского населения” (31 октября 1941 г.); “Срочно необходима колючая проволока” (14 ноября 1941 г.); “В пригородах Петербурга уже наблюдаются случаи голодной смерти, поэтому войскам следует избавляться от гражданского населения и направлять его в сборные лагеря” (2 декабря 1941 г.)⁵⁵. Посетители выставки в Германно-российском музее в Карлсхорсте могли видеть предназначенные для германской крупнокалиберной артиллерии панорамные фотографии Ленинграда с точным указанием объектов обстрела. В том числе Невского проспекта, Эрмитажа, Русского музея, Адмиралтейства, Исаакиевского собора, Смольного собора, Петропавловской крепости, водонапорных башен, электростанций, продовольственных складов⁵⁶.

Среди архивных документов, впервые опубликованных Хюртером, содержатся приказы по 18-й армии о судьбе Ленинграда после гибели большинства его жителей. Генералы вермахта с дикарской прямоотой заявляли, что город должен стать “большим гетто”. На совещании начальников армейских штабов, проходившем в Орше 13 ноября 1941 г., было принято согласованное решение: “Нет никаких сомнений в том, что

⁴⁸ Ibid. S. 99–100.

⁴⁹ Friedrich J. Das Gesetz des Krieges. S. 391.

⁵⁰ Ueberschär G. Op. cit. S. 101, 104. См. также: Gellermann G. Der Krieg, der nicht stattfand. Möglichkeiten, Überlegungen und Entscheidungen der deutschen Obersten Führung zur Verwendung chemischer Kampfstoffe im Zweiten Weltkrieg. Koblenz, 1986. S. 146–149.

⁵¹ Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. S. 311.

⁵² Ibid. S. 315–316.

⁵³ Цит. по: Friedrich J. Das Gesetz des Krieges. S. 394.

⁵⁴ Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. S. 322.

⁵⁵ Blockade Leningrads 1941–1944. S. 126–127.

⁵⁶ Ibid. S. 46–47.

Ленинград должен погибнуть от голода”. Заранее был назначен комендант города. За ситуацию в Ленинграде должны были отвечать 50-й корпус вермахта и дивизия СС “Мертвая голова”. Была издана директива об “обращении с населением Петербурга”, об аресте всех военнослужащих, милиционеров, коммунистов, комиссаров, евреев и других “подозрительных элементов”⁵⁷.

Как явствует из публикаций Хюртера, Фридриха и Хасса, в оккупированных немецкими войсками пригородах Ленинграда и в районах Ленинградской области был установлен режим смерти, голода и грабежей. В полосе дислокации 18-й и 16-й армий свирепствовала карательная айнзацгруппа А, в составе которой действовали зондеркоманды 1а и 1б. Существовала специальная команда “Гамбург”, занимавшаяся грабежом произведений искусства из пригородных дворцов Ленинграда. На “процессе ОКВ” Лееб и Кюхлер отрешивались от акций палачей Гиммлера, уничтожавших евреев, коммунистов, “недочеловеков-славян”. Но документы армейского командования, опубликованные Хюртером, опровергают ложь подсудимых. Сохранились приказы Кюхлера, из текстов которых предельно ясно, что “сотрудничество между айнзацкомандами и инстанциями вермахта действовало привычно и бесперебойно”, “особенно на низших уровнях”⁵⁸.

26 декабря 1941 г. Кюхлер одобрил предложение командования 28-го корпуса о “ликвидации” 240 больных, находившихся в женской больнице для душевнобольных в бывшем монастыре Макарьевская пустынь под Шлиссельбургом. С точки зрения командира корпуса, больные женщины не являлись “полноценными жизненными объектами”. В результате “переговоров с армией” их сначала перестали кормить, а затем умертвили. С согласия Кюхлера помещение больницы было передано в распоряжение тыловой части вермахта. Месяцем ранее аналогичная варварская операция была проведена по отношению к 1200 пациентам психиатрической больницы в поселке Никольское. В здании лечебницы был размещен немецкий лазарет. Кюхлер, посетив его через несколько дней, выразил свое полное одобрение⁵⁹.

Опираясь на данные российских архивов, Г. Хасс указывает, что за время оккупации ряда районов Ленинградской области там были разрушены 20 городов и 3135 сел, уничтожено 90 процентов промышленных предприятий. Были казнены 172 тысячи советских граждан, в Германию угнано 404 230 человек, прежде всего женщины⁶⁰.

Гитлер полностью одобрял такие методы ведения войны. Хотя в феврале 1942 г. Лееб был снят с поста командующего группой армий “Север”, он получил (в два приема) награду от “фюрера” в виде 638 тыс. марок, на которые генерал-фельдмаршал приобрел имение в Баварии⁶¹.

Отмечая, что, нацистская военщина вырабатывала и осуществляла различные варианты операций против Ленинграда, Хюртер указывает, что “постоянным компонентом был разрушительный характер этих планов”. Генералы, “переняв у Гитлера правила ведения войны”, играли роль “пособников и исполнителей преступных методов ведения войны”⁶².

Бонвеч убежден в том, что действия вермахта “были полностью подчинены идеологическим представлениям и преступным намерениям Гитлера и нацистского руководства”⁶³. «Слово “трагедия”, если его не сводить просто к понятию “большое несчастье”, не отражает ситуацию массовой гибели в Ленинграде, — указывает Ян. — Смерть сотен тысяч людей входила в намерения осаждавших, была частью задуман-

⁵⁷ Hürter J. Op. cit. S. 410, 406, 395–396.

⁵⁸ Ibid.. S. 435.

⁵⁹ Ibid. S. 435–438.

⁶⁰ Hass G. Deutsche Besatzungspolitik im Leningrader Gebiet 1941–1944. S. 76.

⁶¹ Weinberg G. Zur Dotation Hitlers an Generalfeldmarschall Ritter von Leeb. – Militärgeschichtliche Mitteilungen, 1979. H. 2. S. 97–99.

⁶² Hürter J. Op. cit. S. 391, 403, 399.

⁶³ Bonwetsch B. Op. cit. S. 143.

ного национал-социалистами плана уничтожения славянского населения Восточной Европы с целью завоевать “жизненное пространство” на Востоке»⁶⁴.

В высшей степени важными являются заключения Ганценмюллера: “Блокада Ленинграда не было осадой, вызванной тактикой, вытекавшей из военно-стратегических соображений. Это была составная часть курса на геноцид, вызванная комбинацией краткосрочных военно-экономических факторов с долгосрочными идеологическими факторами”. Геноцид против ленинградцев полностью вытекал из того, что “поход против России с самого начала был захватнической, истребительной войной”. “Впервые в мировой истории, – считает Ганценмюллер, – осада укрепленного города осуществлялась не для его захвата”, но – для физической ликвидации его жителей. Германская политика голода и разрушения, направленная против ленинградцев, “вытекала не только из конкретной ситуации осени 1941 г.”, но прежде всего из “внутренней логики войны, направленной на грабеж и уничтожение”⁶⁵.

Это была, по оценке историков Р.-Д. Мюллера и К. Герлаха, “война во имя колониальной эксплуатации”, неотъемлемой частью которой являлась “стратегия голода”, означавшая “самый крупный в истории план убийств”⁶⁶.

* * *

В современных работах о блокаде Ленинграда проявилось не только стремление немецких историков сказать беспощадную правду об агрессивной войне и геноциде, но, не в меньшей мере, желание выразить восхищение стойкостью и мужеством защитников города. Газета “Цайт” с полным на то основанием писала, рецензируя первое издание монографии Ганценмюллера: “Лондон, Ковентри, Антверпен, Гамбург, Дрезден, Варшава – многие города Европы испытали муки войны и были превращены в развалины. Но Ленинград выдержал катастрофу, несопоставимую с другими городами по длительности страданий и по числу павших. Своей книгой Ганценмюллер воздвиг впечатляющий памятник невосковой столице и ее трагедии”⁶⁷.

Юбершер исходит из того, что “Ленинград стал символом непреклонной воли Красной армии и советского народа к сопротивлению германскому нашествию”⁶⁸. Хюртер приходит к выводу: “Осажденный город показал значительно бóльшую, чем ожидалось, способность к сопротивлению и внутреннюю сплоченность”. Он впервые публикует извлеченную из архива предназначенную для служебного пользования запись офицера отдела пропаганды 18-й армии: “Русские не стремятся переселяться за Урал или находиться под чужеземным господством. Русский народ сегодня совсем не таков, каким он был в 1917 г. и каким его представляли нам русские эмигранты на Западе. Он обладает чувством собственного достоинства, он вовсе не является народом рабов”⁶⁹.

Высокого уважения заслуживает то, что немецкие историки сумели постигнуть глубину катастрофы, в которой оказались жители осажденного Ленинграда. В особенности это характерно для проникнутых чувством искреннего сострадания текстов Бонвеча и Яна, чье научное творчество неразрывно связано с Россией. По словам Бонвеча, в городе, где “голод и голодная смерть стали обычной повседневностью”, “героизм ленинградцев состоял прежде всего в том, что они сохраняли остаток своих сил для продолжения жизни”. Вывод автора гласит: “Судьбы жителей города во время осады стали причиной того, что Ленинград стал особой главой германо-советской войны”⁷⁰.

⁶⁴ Jahn P. Vorwort. – Blockade Leningrads 1941–1944. S. 7.

⁶⁵ Ganzenmüller J. Das belagerte Leningrad 1941–1944. S. 59, 61, 2, 43, 51.

⁶⁶ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 140. Gerlach Ch. Kalkulierte Morde. Die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weißrußland. Hamburg, 1999. S. 1128.

⁶⁷ Die Zeit, 26.I.2006.

⁶⁸ Ueberschär G. Op. cit. S. 105.

⁶⁹ Hürter J. Op. cit. S. 402, 421.

⁷⁰ Bonwetsch B. Op. cit. S. 150, 157, 149.

На берлинской выставке “Блокада Ленинграда” посетителей глубоко взволновали извлеченные из российских государственных архивов и личных коллекций уникальные снимки, сделанные в осажденном городе фронтовыми корреспондентами. Немцы, как свидетельствуют многочисленные записи в книге посещений, застыли перед стендом, где были размещены 14 фотографий, относящихся к зиме 1941–1942 гг. Сюжет один и тот же: ленинградцы везут на саночках тела умерших родственников⁷¹. Не меньшее впечатление производил раздел экспозиции “Дистрофия”, в который были включены копии подлинных документов военных и гражданских медицинских служб Ленинграда, свидетельства о смерти всех без исключения членов семейств Пановых, Степановых, Смирновых⁷². Панораму блокадной трагедии дополнили впервые опубликованные рисунки А.Ф. Пахомова и Я.О. Рубанчика, фрагменты дневника искусствоведа Н.Н. Пунина⁷³.

“Реальной, вне всякой пропаганды, – указывает Ян, – была свойственная не только коммунистам воля к сопротивлению осаждавшим город захватчикам. Даже значительная часть тех, кто стал жертвами революции и сталинских репрессий, считали своей первоочередной задачей сопротивление и борьбу против немецких агрессоров”. Жители Ленинграда, убежден автор, “стремились вместе с этим городом защитить особые традиции, возвышавшие его над остальной страной”⁷⁴. К числу таких традиций Ян справедливо относит неповторимость культуры Петербурга–Ленинграда. Выстоять помогало искусство. На стендах выставки – репродукции афиш ленинградских театров, объявлений о премьере Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича, репертуарных списков музыкального театра и филармонии: “Евгений Онегин”, “Кармен”, “Сильва”, “Свадьба в Малиновке”, песни Беранже⁷⁵.

Блокада Ленинграда становится в ФРГ сюжетом средств массовой информации, перемещаясь, таким образом, в пограничную зону между историческим знанием и общественным сознанием. Именно в этом пространстве перспектива прогресса в преодолении нацистского прошлого представляется наиболее реальной. В еженедельнике “Парламент” под непривычным для немцев заголовком “Никто не забыт, ничто не забыто” был напечатан подробный репортаж из ныне действующего (возрожденного) Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда⁷⁶. Авторитетная газета “Франкфуртер альгемайне” приурочила к юбилею краха нацистского режима публикацию мучительно-правдивой статьи о ленинградской блокаде, уже красноречивое название которой означает отрешение от прежних стереотипов: “Как русские учились ненавидеть”⁷⁷.

Покойный немецкий публицист Ф. Хитцер писал несколько лет назад: “Когда этот город еще назывался Ленинградом и был в блокаде, германские войска несли смерть миллионам его жителей. По приказу Гитлера Северная Венеция, которую сотворил Петр Великий, в том числе и с немецкой помощью, должна была быть сровнена с землей”. Надежду на утверждение и сохранение в ФРГ памяти о блокаде Хитцер связывал с переменами в российско-германских отношениях: «Когда в 1969 г. я показал в Мюнхене картину Михаила Ромма “Обыкновенный фашизм”, она не вызвала большого резонанса у нас, и я подумал: какими же гранитными плитами укрыта эта тема и вообще вся подлинная история взаимоотношений немцев и русских! Сегодня – всё иначе!»⁷⁸.

Гимназию им. Лейбница в Штутгарте и гимназию № 75 в Санкт-Петербурге связывают многолетние творческие связи. Их важнейшей совместной акцией явился

⁷¹ Blockade Leningrads 1941–1944. S. 78–85.

⁷² Ibid., S. 68–77.

⁷³ Ibid., S. 92–105, 164–171.

⁷⁴ Jahn P. Vorwort. S. 8, 9.

⁷⁵ Blockade Leningrads 1941–1944. S. 86–91.

⁷⁶ Das Parlament, 2.II.2004.

⁷⁷ Frankfurter Allgemeine Zeitung, 8.V.2005.

⁷⁸ <http://cn.com.ua/N354/details/details/origins/origins.html>

проект “От ленинградской блокады к германо-российскому партнерству”. Немецкие школьники встречались с ленинградцами, пережившими блокаду, записывали их воспоминания. “Эти люди, – сказано в отчете о поездке в Санкт-Петербург, – пострадали от последствий войны, но они никогда не ставили знак равенства между Германией и национал-социализмом”. И далее: “Память о трагической странице германо-российских отношений необходима, чтобы преодолеть всё, разделяющее нас, и открыть новые пути к будущему”⁷⁹.

Поучительны суждения немецких ученых о переменах в восприятии в нашей стране ленинградской блокады. Их интерес к этому сюжету, конечно же, понятен. Параллели в развитии наших историографий напрашиваются сами собой.

Ганценмюллер является единственным иностранным историком, который, опираясь на изыскания в петербургских и московских архивах, внимательно проследивает пути воздействия официальной политики 40-х и 50-х гг. на оценки блокады. В апреле 1942 г. руководители Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) подвергли жесткой цензуре документальный фильм “Оборона Ленинграда”, снятый военными операторами и не скрывавший истины о жертвах голода и болезней среди мирных жителей. Ганценмюллер приводит слова председателя Ленгорисполкома П.С. Попкова о том, что в фильме отражены “лишь наши внутренние недостатки”, в то время как содержанием хроники должен быть “энтузиазм рабочих города Ленина”. Выпускать фильм на экран в первоначальном виде было категорически запрещено – в угоду упрощенной, приглаженно-героизированной версии блокады⁸⁰.

В 1942 г. по инициативе историков Ленинградского отделения АН СССР был начат сбор свидетельств (экспонатов и воспоминаний) об осаде города. Учеными двигало стремление сохранить живую память о людях и днях блокады, и они встретили понимание и поддержку ленинградцев. В 1944 г. была торжественно открыта выставка “Оборона Ленинграда”, через два года ставшая одноименным музеем, быстро приобретшим внушительную популярность. Однако в 1949 г., в разгар так называемого “ленинградского дела”, деятельность музея стала рассматриваться в Москве как проявление чрезмерной самостоятельности ленинградских партийных руководителей, могущей найти продолжение в последующие годы. Музей был закрыт, его директор арестован, а большинство уникальных экспонатов уничтожено. “Трактовка блокады, – отмечает Ганценмюллер, – превратилась в инструмент внутрипартийной борьбы”⁸¹. По мнению Бонвеча, советское руководство, стремясь “вытеснить из исторического сознания негативные стороны войны”, “опасалось распространения неприкрашенной правды о Ленинграде”⁸².

Подлинная картина обороны Ленинграда, во всей ее сложности, начала восстанавливаться у нас в 80-е годы, что, как уверены немецкие ученые, отражает процесс трансформации нашего общества и нашей науки. «Новейшая российская историография, – подчеркивает Г. Хасс, – поставила вопросы, которые прежде оставались без ответа, закрыла так называемые “белые пятна” и на основе скрупулезного изучения ставших доступными архивных материалов приступила к корректуре догматических представлений и результатов прежних исследований»⁸³. По мнению Бонвеча, выпуск в свет “Блокадной книги” положил начало “реабилитации простых граждан и незаметных героев” Ленинграда⁸⁴. Началась публикация засекреченных прежде архивных источников. Было серьезно уточнено количество жертв блокады (по сравнению с 632 тыс., названными на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников). Не ставя под сомнение героизм рядовых ленинградцев, солдат Ленинградского фронта, матросов Балтийского флота, современные российские историки анализируют тене-

⁷⁹ <http://leibnitz.gymnasium.stuttgart.de/images/newsatleibnitz/news16.pdf>

⁸⁰ *Ганценмюллер Ж.* Das belagerte Leningrad 1941–1944. S. 320–321.

⁸¹ *Ibid.* S. 326–329, 325.

⁸² *Bonwetsch B.* Op. cit. S. 157, 161.

⁸³ *Hass G.* Leben, Sterben und Überleben im belagerten Leningrad. S. 1080.

⁸⁴ *Bonwetsch B.* Op. cit. S. 162.

вые стороны многомерного блокадного социума. К таковым относятся преступления на почве голода (вплоть до трупоедства и людоедства), мародерство, дезертирство, существование “черного рынка” и организованных криминальных групп.

Упомянутая Хассом проблема “белых пятен”, несомненно, существовала и существует в германской историографии. Это целиком относится к проблематике осажденного Ленинграда. “Я надеюсь, – убежден Ганценмюллер, – что о блокаде будет написано больше. Как и прежде, это событие все же не занимает в здешнем историческом сознании того места, которое оно заслуживает”⁸⁵.

Обращение немецких ученых к блокаде города на Неве приобретает особую значимость в условиях, когда в ФРГ после 1990 г. происходит интенсивный процесс формирования “нового самосознания”. Этот процесс является амбивалентным. С одной стороны, в общественном мнении утвердился антинацистский консенсус, но, с другой стороны, в Германии активизировалось стремление “нормализовать историю”, оказаться, как и другие страны Европы, в роли жертвы. Мюнхенская газета “Зюддойче цайтунг” с нескрываемой тревогой вопрошала: “Не прошла ли Федеративная Республика ту фазу извлечения уроков из собственного прошлого, которая, начиная с 80-х годов, находится под знаком немецкой вины?”⁸⁶.

“Гранитный город славы и беды”⁸⁷. В поэтической строке, написанной в начале XX века, Анна Ахматова предсказала трагико-героическую судьбу невской столицы. “Via dolorosa”⁸⁸ блокады – это опыт, который невозможно забыть или избыть ныне живущим и будущим российским поколениям. Станет ли этот опыт одним из компонентов германской исторической памяти?

⁸⁵ Письмо Й. Ганценмюллера от 12 июня 2009 г. – Архив автора.

⁸⁶ *Süddeutsche Zeitung*, 29.X. 2003.

⁸⁷ Ахматова А. Сочинения в 2-х т., т. 1. М., 1990, с. 89.

⁸⁸ “Путь Скорби” (лат.) – улица в Иерусалиме, по которой пролегал путь Иисуса Христа к месту распятия.